

A man in a dark suit, white shirt, and striped tie, wearing a brown fedora hat. He is looking down, and his face is partially obscured by the hat and the text. The background is dark.

**ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР**

**ПЕРРИ  
МЕЙСОН**

**ДЕЛО  
О КОТЕ ПРИВРАТНИКА**

Перри Мейсон

Эрл Стенли Гарднер

**Дело о коте привратника**

«Издательство АСТ»

1935

УДК 821.111-31(73)  
ББК 84(7Сое)-44

**Гарднер Э.**

Дело о коте привратника / Э. Гарднер — «Издательство АСТ»,  
1935 — (Перри Мейсон)

ISBN 978-5-17-127271-5

Перри Мейсон — король перекрестного допроса, кумир журналистов и присяжных, гений превращения судебного процесса в драматический спектакль. А за королем следует его верная свита, всегда готовая помочь, — секретарша Делла Стрит и частный детектив Пол Дрейк. В новом деле у Перри Мейсона необычный клиент: адвокат берется защищать интересы... персидского кота, вокруг которого развернулась нешуточная борьба за наследство.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-127271-5

© Гарднер Э., 1935  
© Издательство АСТ, 1935

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

# Эрл Стенли Гарднер

## Дело о коте привратника

### Глава 1

Адвокат по уголовным делам Перри Мейсон, нахмурившись, глядел на своего помощника Карла Джексона. У краешка стола примостилась секретарша Делла Стрит – колени сдвинуты, карандаш нацелен на раскрытый блокнот; она спокойно и внимательно наблюдала за обоими. Мейсон держал в руке отпечатанный на машинке листок.

– Насчет кошки, значит? – спросил он.

– Да, сэр, – ответил Джексон. – Он настаивает на личной встрече с вами. Он ненормальный. Я бы не стал терять время, сэр.

– Кажется, вы говорили: он калека, на костыле? – припомнил Мейсон, задумчиво глядя в бумагу.

– Верно. Ему лет шестьдесят пять. Говорит: попал в автомобильную катастрофу года два назад. За рулем был его хозяин. Эштон – человек, который хочет вас видеть из-за своей кошки, – сломал бедро и повредил сухожилия на правой ноге. Лекстер, его хозяин, сломал правую ногу выше колена. Лекстер тоже был немолод, кажется, ему было шестьдесят два, когда он умер, но у него нога зажила. А у Эштона – нет. С тех пор он на костылях. Вероятно, поэтому Лекстер позаботился о своем привратнике в завещании. Он не оставил Эштону денег, но распорядился, чтобы наследники предоставили Эштону место привратника до тех пор, пока он сможет работать, а после – чтобы купили и обставили ему дом.

– Необычное завещание, Джексон, – нахмурился Перри Мейсон.

Молодой адвокат кивнул в знак согласия:

– Да, необычное. Этот Лекстер был юристом. У него трое внуков. Внучке он не оставил ничего. Два внука унаследовали состояние поровну.

– Как давно он умер?

– Недели две назад.

– Лекстер... Лекстер... Это о нем что-то было в газетах? Его смерть была связана с каким-то пожаром?

– Правильно, сэр. Питер Лекстер. Говорили, что он скупердяй. Он, конечно, был чужак. Жил в загородном доме в Карменсите. Ночью дом загорелся, и Лекстер погиб. Трое внуков и несколько слуг в это время находились в доме, им удалось спастись. Эштон говорит, что пожар начался в спальне Лекстера или рядом.

– Привратник был в это время там? – спросил Мейсон.

– Нет. Он сторожил городской дом.

– Внуки теперь живут в городе?

– Двое из них, наследники. Сэмюэль К. Лекстер и Фрэнк Оуфли. А внучка, Уинифред Лекстер, которую лишили наследства, там не живет. Неизвестно, где она теперь.

– Эштон ждет в конторе? – спросил Мейсон. Глаза его сверкнули.

– Да, сэр. И никого не желает видеть, кроме вас.

– Так в чем же, собственно, состоит его дело?

– Сэм Лекстер признает, что, согласно завещанию, он обязан обеспечить Эштона работой привратника, но уверяет, что вовсе не обязан держать в доме его персидскую кошку. Эштон очень привязан к ней. Лекстер грозит, что, если Эштон не избавится от питомицы, ее отравят. Я бы не стал отнимать у вас время, но ведь вы велели докладывать обо всех клиентах, которые приходят в контору. Вы же не хотите, чтобы мы сами брали на себя их дела.

– Верно, – кивнул Мейсон. – Никогда нельзя знать заранее, чем обернется то, что кажется пустяком. Помню, когда Фенвик занимался делом об убийстве, к нему обратился какой-то человек по поводу оскорбления. Фенвик хотел направить его к клерку – посетитель разозлился и ушел. А через два месяца после того как клиент Фенвика был повешен, адвокат узнал, что тот человек приходил к нему, чтобы привлечь к суду свидетеля обвинения – за оскорбление действием после автомобильного наезда. Если бы Фенвик тогда его принял, ему стало бы ясно, что свидетель обвинения не мог находиться там, где он, по его словам, был во время преступления.

Джексон уже слышал эту историю. Он кивнул в знак внимания и спросил, как бы сожалел, что мистер Эштон отнимает слишком много времени:

– Значит, сказать мистери Эштону, что мы не можем им заняться?

– Деньги у него есть? – спросил Мейсон.

– Не думаю. По завещанию, он имеет постоянную работу, пятьдесят долларов в месяц, стол и квартиру.

– Он старый человек?

– Конечно. Я бы сказал – старый чудака.

– Но любит животных, – заметил Мейсон.

– Очень привязан к своей кошке, хотите вы сказать.

– Именно это я хотел сказать, – кивнул Мейсон.

Делла Стрит, больше знакомая с привычками Мейсона, чем Джексон, вступила в разговор с легкой фамильярностью человека, который давно работает в конторе и не слишком соблюдает формальности:

– Ты только что закончил дело об убийстве, шеф. Почему бы не оставить контору на ассистентов, пока ты съездишь на Восток? Ты бы отдохнул.

Мейсон сверкнул на нее глазами:

– А кто же, черт возьми, позаботится о кошке мистера Эштона?

– Мистер Джексон.

– Он не хочет говорить с Джексоном.

– Тогда пусть ищет другого адвоката. Адвокатов в городе полным-полно. Не станешь же ты тратить время на кошку?

– Старик, – задумчиво сказал Мейсон, – чудака... Вероятно, одинокий. Его благодетель умер. Кошка – единственное живое существо, к которому он привязан. Большинство юристов только посмеются над ним. Нет, Делла, это одно из тех дел, которые кажутся пустяком адвокату, но много значат для клиента. Адвокат должен быть на стороне обездоленного.

Понимая, что произойдет, Делла Стрит кивнула Джексону:

– Попросите мистера Эштона войти.

Джексон слегка улыбнулся, собрал бумаги и вышел. Как только дверь, щелкнув, затворилась, пальцы Деллы Стрит сомкнулись вокруг левого запястья Мейсона:

– Ты берешь это дело, шеф, только потому, что знаешь: он не сможет заплатить хорошему адвокату.

– Можно же допустить, – нахмурился Мейсон, – чтоб иной раз появился хромым, ворчливый старик, с персидской кошкой и без денег.

В длинном коридоре застучал костыль, перемежаясь со звуками шагов. Джексон открыл дверь с видом человека, который, посоветовав избежать неразумного шага, отказывается отвечать за последствия. Вошел пожилой мужчина, весь в морщинах, с тонкими губами, кустистыми седыми бровями, лысый и не улыбающийся.

– В третий раз к вам прихожу, – сказал он раздраженно.

Мейсон указал на стул:

– Садитесь, мистер Эштон. Извините, я расследовал дело об убийстве. Как зовут вашу кошку?

– Клинкер. Он – кот, – сказал Эштон и уселся в большое черное кожаное кресло, держа перед собой костыль двумя руками.

– Почему Клинкер? – спросил Мейсон.

– Юмор такой. – Глаза и губы старика и не думали улыбаться.

– Юмор? – переспросил Мейсон.

– Да, я раньше в кочегарке работал. Клинкер там постоянно гремел и звенел. Я так его назвал, потому что вечно он грохотал и все опрокидывал.

– Любите его? – спросил Мейсон.

– Он единственный мой друг во всем мире, – хрипло сказал Эштон.

Мейсон поднял брови.

– Я ведь привратник. По-настоящему я не работаю. Дом много лет заперт. Хозяин жил в Карменсите. Мое дело – бродить кругом, убирать двор да подметать ступеньки. Три-четыре раза в год хозяин устраивал уборку, все остальное время комнаты заперты и ставни закрыты.

– Там никто не жил?

– Никто.

– Зачем же он арендовал дом?

– Так уж надо было.

– И хозяин оставил завещание?

– Да. По завещанию за мной остается место, пока я могу работать, а если не смогу – обо мне должны позаботиться.

– Наследники – двое внуков?

– Трое. Но в завещании упомянуты двое.

– Расскажите о ваших неприятностях, – предложил Мейсон.

– Хозяин сгорел во время пожара в загородном доме. Я об этом не знал, пока мне утром не позвонили по телефону. Владелец дома теперь – Сэм Лекстер. Он красивый мальчик, но не любит животных, а я не люблю тех, кто не умеет обращаться с ними.

– Кто был в доме во время пожара? – спросил Мейсон.

– Уинифред. То есть Уинифред Лекстер, внучка. Потом Сэм Лекстер и Фрэнк Оуфли – внуки. Миссис Пиксли была – экономка. И еще сиделка – Эдит де Во.

– Еще кто? – спросил Мейсон.

– Джим Брэндон, шофер. Ушлый парень. Знает, с какой стороны хлеб маслом намазан. Поглядели бы вы, как он Сэма Лекстера обхаживает.

Эштон даже стукнул по полу костылем, чтобы выразить отвращение.

– Еще кто?

Эштон пересчитал по пальцам тех, кого уже упомянул, и добавил:

– Нора Эддингтон.

– А она что за человек? – Мейсон, очевидно, наслаждался зрелищем этих разных характеров, увиденных циничными глазами Эштона.

– Корова она, – ответил Эштон. – Послушная, доверчивая, добрая большеглазая дурища.

Но ее не было, когда дом загорелся. Она проходящая.

– Когда дом сгорел, работы для нее не осталось?

– Верно. Она после того и не приходила.

– Так ее можно и не считать. Она в деле не фигурирует.

– Можно бы, – сказал Эштон со значением, – если бы она не была влюблена в Брэндона. Воображает, что Джим на ней женится, как разбогатеет. Ну, пробовал я объяснить ей кое-что насчет Джима Брэндона, да она и слушать не хочет.

– Откуда же вы так хорошо знаете этих людей, если вы живете в городском доме, а они – за городом?

– Так я ж туда, бывало, приезжал.

- Вы ездили на машине?
  - Да.
  - Машина ваша?
  - Нет, хозяин держал ее возле дома для меня, чтоб я мог приезжать к нему за инструкциями. Он терпеть не мог сам ездить в город.
  - Что за машина? – спросил Мейсон.
  - «Шевроле».
  - Большая нога не мешает управлять машиной?
  - Этой – нет. На ней есть дополнительный тормоз. Ручной.
- Бросив многозначительный взгляд на Деллу Стрит, Мейсон снова повернулся к морщинистому лысому старику:
- Почему же Уинифред не упомянута в завещании?
  - Никто не знает.
  - Значит, вы сторожили городской дом?
  - Именно так.
  - Адрес городского дома?
  - Ист Вашингтон, тридцать восемь двадцать четыре.
  - Вы все еще живете там?
  - Да, и еще Лекстер, Оуфли и слуги.
  - Другими словами, когда сгорел дом в Карменсите, они переехали в городской дом, так?
  - Так. Они бы все равно переехали после смерти хозяина. Они не из тех, кому нравится жить в деревне, городское любят.
  - И они возражают против кота?
  - Сэм Лекстер возражает. Он душеприказчик.
  - В какой именно форме он возражает против кота?
  - Сказал, чтоб я избавился от животного, иначе он его отравит.
  - Причину объяснил?
  - Не любит он кошек. А Клинкера особенно не любит. Я внизу сплю и окно держу открытым. Клинкер прыгает туда-сюда, знаете небось: нельзя же кота взаперти держать. А у меня нога больная, не могу я много выходить. Клинкер сам гуляет. Когда дождь, лапы у него пачкаются. Прыгнет в окно – и всю грязь мне на постель несет.
  - Окно над вашей кроватью? – спросил Мейсон.
  - Прямохонько над ней, там Клинкер и спит. Никому он не мешал. Сэм говорит: он белье портит, счета из прачечной большие. Счета! А уж он-то за ночь в клубе тратит – на десять лет хватит прачечную оплачивать!
  - Он – свободный художник, значит? – добродушно спросил Мейсон.
  - Был раньше, сейчас не совсем. Деньги-то не получить.
  - Какие еще деньги?
  - Ну, которые хозяин оставил.
  - Мне показалось, вы упомянули, что он их поровну поделил между двумя внуками?
  - Ну да – то, что они смогли найти.
  - Так они не все нашли? – заинтересованно спросил Мейсон.
  - Незадолго до пожара, – Эштон, казалось, получал от своего рассказа удовольствие, – хозяин уладил свои дела. Получил наличными больше миллиона долларов. Никто не знает, что он сделал с деньгами. Сэм Лекстер считает, что он их где-то зарыл, но я-то лучше хозяина знаю. Думаю, он их в сейф положил под чужим именем. Не доверял он банкам. Банки, говорил, в лучшие времена твоими денежками пользуются и прибыль наживают, а в худшие объявляют, что очень, мол, жаль, но вернуть их они не могут. Года два назад он так деньги в банке потерял. Хватило с него.

– Миллион наличными? – переспросил Мейсон.

– Конечно, как же еще он мог их получить? – ощерился Эштон.

Перри Мейсон поглядел на Деллу Стрит и спросил Эштона:

– Вы сказали, Уинифред исчезла?

– Да, и я ее не осуждаю. Остальные с ней не церемонились.

– Сколько лет внукам?

– Сэму двадцать восемь, Фрэнку Оуфли двадцать шесть, Уинифред двадцать два – красавица! Стоит всех остальных, вместе взятых. Полгода назад хозяин по завещанию оставил ей все, а другим двум – по десять долларов. А за два дня до смерти сделал новое завещание.

– Жестоко по отношению к Уинифред, – нахмурился Мейсон.

В ответ Эштон буркнул что-то невнятное.

– Так сколько вы готовы потратить, чтобы отстоять свои права на Клинкера? – рискнул спросить Мейсон.

Эштон достал из кармана бумажник, полный банкнот.

– Я не скряга, – сказал он. – Хороший адвокат стоит дорого. Мне нужен самый лучший. Сколько это будет стоить?

Мейсон так и уставился на толстую пачку.

– Где вы взяли эти деньги? – спросил он с любопытством.

– Сэкономил. Я ничего не трачу, вот и скопилось за двадцать лет. Я их в банке держал, самом лучшем, – хозяин посоветовал. А как хозяин получил наличными, так и я получил.

– По совету мистера Лекстера? – Мейсон не сводил с Эштона глаз.

– Ну, если хотите, да.

– И желаете потратить деньги, чтобы сохранить кота?

– Я желаю разумную сумму потратить, не собираюсь же я на ветер деньги бросать. Хороший адвокат стоит денег, а к бедняку я обращаться не желаю.

– Если я вам скажу, что нужно заключить договор на пятьсот долларов? – спросил Мейсон.

– Это слишком, – Эштон рассердился.

– А если двести пятьдесят?

– Нормально. Столько я заплачу. – Эштон начал отсчитывать.

– Минутку, – Мейсон засмеялся. – Может, и не придется тратить так много. Я только хотел проверить, насколько вы привязаны к своему коту.

– Очень привязан. Готов любые деньги отдать, чтобы поставить Сэма Лекстера на место, но разоряться не хочу.

– Инициалы Лекстера? – спросил Мейсон.

– Сэмюэль К.

– Возможно, – сказал Мейсон, – достаточно будет письма. Если так, вам это обойдется дешево. – Он повернулся к Делле Стрит. – Делла, напиши письмо Сэмюэлю К. Лекстеру, Ист Вашингтон, тридцать восемь двадцать четыре. «Уважаемый сэр, мистер Эштон проконсультировался со мной... – нет, минутку, Делла, лучше и здесь с инициалами. У меня записано – Чарльз Эштон... проконсультировался со мной относительно своих прав по завещанию покойного Питера Лекстера. Согласно завещанию, вы обязаны обеспечивать мистера Эштона работой привратника на то время, пока он в состоянии выполнять эту работу. Мистер Эштон желает иметь при себе кота. Место дает право держать животное. В данном случае это именно так, поскольку животное имелось при жизни завещателя. Если вы нанесете вред коту мистера Эштона, я вынужден буду констатировать, что вы нарушили волю покойного и, следовательно, наследство должно быть конфисковано».

Перри Мейсон улыбнулся Делле Стрит:

– Это его здорово заденет. Когда он поймет, что надо выбирать между наследством и каким-то котом, он решит не связываться. Оставьте бухгалтеру десять долларов, – повернулся он к Эштону. – Она даст вам квитанцию. Если что-то получится, я вам позвоню. Если вы обнаружите что-то новое, звоните в контору и спросите мисс Стрит – это моя секретарша. Можете передать информацию через нее.

Эштон вцепился руками в костыль, с трудом поднялся. Не сказав ни слова благодарности, даже не попрощавшись, он, хромя, вышел.

Делла Стрит удивленно уставилась на Мейсона:

– Возможно ли, чтобы внук лишился наследства, если он выбросит кота?

– Случались и более странные вещи, – ответил Мейсон. – Все зависит от того, как составлено завещание. Если забота о привратнике – условие вступления в наследство, я чего-то добьюсь. Все, что мне сейчас нужно, – это напугать мистера Сэмюэля Лекстера. Думаю, скоро он с нами свяжется. И тогда... Вот почему я так люблю свою работу – она дьявольски разнообразна... Кот привратника! – Он усмехнулся.

Делла Стрит захлопнула блокнот и по дороге к себе задержалась у окна, глядя вниз на шумную улицу.

– Ты ему оставил двести сорок долларов, – сказала она, бесцельно глядя наружу, – а он даже не поблагодарил.

Ворвавшись в открытое окно, ветер растрепал ее волосы. Она высунулась по пояс, наслаждаясь свежим воздухом.

– Может, просто чудачество, – предположил Мейсон. – Он ведь старик... Не высовывайся так, Делла... Не забывай, что он любит животных и что он далеко не молод. Что бы он ни говорил, ему не меньше семидесяти пяти...

Делла выпрямилась и грациозно повернулась к Перри Мейсону.

– Тебе, наверное, будет интересно узнать, – сказала она, – что кто-то следит за нашим любителем кошек.

Мейсон резко отодвинул стул, вскочил и приблизился к окну. Одной рукой он оперся о подоконник, другой обхватил Деллу Стрит за талию. Они вместе посмотрели вниз.

– Видишь? – спросила она. – Вон тот в светлой фетровой шляпе. Он вышел из подъезда. Смотри, садится в машину.

– Новенький «паккард», – задумчиво отметил Мейсон. – Почему ты думаешь, что он следит за Эштоном?

– Он так себя вел... Я уверена. Он выскочил из подъезда... Смотри, шеф, машина еле движется – чтобы не упустить Эштона из виду?

Эштон проковылял за угол налево. Машина двигалась за ним. Наблюдая за автомобилем, Мейсон хмуро заметил:

– Миллион долларов наличными – это же куча денег...

## Глава 2

Утреннее солнце струилось в окно конторы Перри Мейсона, играло на кожаных корешках книг, отчего они становились не такими мрачными. Делла Стрит из своей комнаты принесла почту. Мейсон сложил газету, которую читал, а Делла Стрит уселась, вытащила доску секретера и нацелила ручку на раскрытый блокнот.

– Господи, да тут работы навалом, – жалобно сказал Перри Мейсон. – Неохота мне работать. Отложить бы все это да побездельничать. Хочу сделать что-нибудь недозволенное. Делла, ты что, воображаешь, что я служащий, консультирующий банки и отсуживающий поместья? Почему я изучал юриспруденцию? Единственно потому, что терпеть не могу рутину, а ты все больше и больше превращаешь мое дело в работу и все меньше и меньше оставляешь в ней приключений! Свое занятие я люблю лишь потому, что в нем масса авантюры. Наблюдаешь за человеческой натурой словно из-за кулис. Публика из зала видит только тщательно отрепетированные позы актеров. Адвокат же видит человека без грима.

– Если ты настаиваешь на мелких делах, – холодно сказала Делла, – тебе придется организовать свое время, чтобы управиться с работой. В приемной ждет мистер Натэниэл Шастер.

– Шастер? – нахмурился Перри Мейсон. – Этот проклятый взяточник и любитель напустить тумана? Изображает из себя великого адвоката, а сам бесчестнее тех жуликов, которых защищает. Если подкупить суд – любой дурак может выиграть дело. Какого черта ему нужно?

– Он хочет тебя видеть в связи с письмом, которое ты написал. С ним его клиенты – мистер Сэмюэль К. Лекстер и мистер Фрэнк Оуфли.

– А, кот привратника! – Адвокат внезапно расхохотался.

Она кивнула. Мейсон придвинул к себе грудку почты.

– Ладно, – сказал он. – Соблюдая профессиональную вежливость, не будем заставлять ждать мистера Шастера. Проглядим только быстренько эти неотложные бумаги и посмотрим, не надо ли срочно ответить телеграфом.

Он развернул бандероль и нахмурился:

– Это еще что такое?

– Это из Нью-Йоркского бюро путешествий. Имеется одиночная каюта люкс, остановки в Гонолулу, Иокогаме, Кобе, Шанхае, Гонконге и Маниле.

– Кто делал этот запрос?

– Я.

Мейсон отделил бумагу от остальной почты, уставился на нее и повторил:

– Пароходная компания, имеется одиночная каюта люкс на судне «Президент Кулидж» – Гонолулу, Иокогама, Кобе, Шанхай, Гонконг и Манила.

Делла Стрит продолжала задумчиво смотреть в блокнот.

Перри Мейсон рассмеялся и отпихнул бумаги.

– Ладно, пусть они подождут, – сказал он, – пока мы не разделаемся с Натэниэлом Шастером. Сиди здесь и, если я подтолкну коленом, начинай записывать. Шастер – скользкая личность. Хотел бы я, чтобы он вылечил свои зубы.

Она вопросительно подняла брови.

– У него вставная челюсть, – пояснил он, – и она протекает.

– Протекает? – не поняла она.

– Да. Если перевоплощения действительно существуют, то он, наверное, в прошлой жизни был китайцем-прачкой. Когда он хихикает, он обрызгивает собеседников, как китаец-прачка прыскает на белье, когда гладит. Обожает здороваться за руку. Я его терпеть не могу, но нельзя же оскорблять напрямую. Пусть только попробует выкинуть какой-нибудь фокус – я забуду об этикете и вышвырну его вон.

– Кот должен быть польщен, – сказала Делла. – Ведь столько занятых людей тратят время, чтобы решить, можно ли ему оставлять на постели следы грязных лапок.

Перри Мейсон расхохотался.

– Валяй, – сказал он, – растревляй рану! Ладно, я готов. Шастер постарается спровоцировать своих клиентов на драку. Если я от нее уклонюсь – он внушит им, что вынудил меня пойти на попятную, и сдерет с них хороший куш. Если я не отступлю, он скажет, что пострадает все наследство, и выкачает из них хороший процент. Вот что я получаю за тот блеф о конфискации наследства.

– Мог бы и мистер Джексон с ними поговорить, – предложила Делла.

Перри Мейсон добродушно усмехнулся:

– Нет уж, Джексон не привык, чтобы ему брызгали в лицо. Я-то с Шастером встречался. Пусть они войдут.

Он снял телефонную трубку и сказал секретарше в приемной:

– Попросите ко мне мистера Шастера.

Делла Стрит воззвала в последний раз:

– Пожалуйста, шеф, пусть дело возьмет Джексон. Ты ввяжешься в неприятности. Стоит ли тратить время на борьбу за кота?

– Кошки и трупы, – сказал Мейсон. – Не одно, так другое. Я так давно занимаюсь трупами, что живая кошка может оказаться восхитительным разнообразием по сравнению...

Дверь открылась. Блондинка с большими голубыми глазами невыразительным голосом объявила:

– Мистер Шастер, мистер Лекстер, мистер Оуфли.

В комнату стремительно вошли трое мужчин. Во главе был Шастер – подвижный и миниатюрный, он суетился, точно воробей, выглядывающий сквозь осенние листья.

– Доброе утро, господин адвокат. Тепло сегодня, верно?

Он суетливо прошелся по комнате, протягивая руку для пожатия. Нижняя губа его отвисла, открывая рот, полный зубов; между зубами виднелись щели. Мейсон, возвышаясь над низеньким человечком, точно башня, подал ему руку и спросил:

– Давайте уточним. Который мистер Лекстер, а который мистер Оуфли?

– Да-да, конечно, конечно. Вот Сэм Лекстер – он душеприказчик... э-э, внук Питера Лекстера.

Высокий смуглый человек, черноглазый, с тщательно завитыми волосами, улыбнулся с той степенью любезности, которая говорила скорее об уравновешенности, чем об искренности. В руке он держал большую шляпу кремового цвета.

– А вот Фрэнк Оуфли. Фрэнк Оуфли – второй внук.

Оуфли был светловолосым и толстогубым. Казалось, его лицо не способно изменять выражение. Его водянисто-голубые глаза напоминали сырых устриц. Он был без шляпы и молчал.

– Моя секретарша, мисс Стрит, – представил Деллу Перри Мейсон. – Если не возражаете, она будет присутствовать и запишет то, что я найду нужным.

Шастер хохотнул, брызнув слюной:

– А если будут возражения, я полагаю, она все равно останется? Ха-ха-ха. Знаю вас, Мейсон. Помните, вы имеете дело с человеком, который вас знает. Вы забияка. С вами приходится считаться. Для моих клиентов это дело принципиальное. Не могут они уступить слуге. Но придется повоевать. Я их предупреждал, что вы забияка. Они не могут сказать, что я не предупреждал!

– Садитесь, – сказал Мейсон.

Шастер кивнул своим клиентам, указывая на стулья. Сам он опустился в большое потертое кожаное кресло и почти утонул в нем. Он скрестил ноги, ослабил галстук, поправил манжеты и повторил:

– Для нас это дело принципа. Мы будем бороться до последнего. Дело ведь серьезное.

– Что – серьезное дело? – спросил Мейсон.

– Ваше заявление, будто это условие завещания.

– А что же – дело принципа? – поинтересовался Мейсон.

– Кот, конечно, – удивился Шастер. – Не нужен он нам. Более того – нам совершенно не нужно, чтобы какой-то привратник нами распоряжался. Не в свои дела он суется. Вы же понимаете, что, если прислуга не выполняет своих прямых обязанностей, недолго ее и уволить.

– А не приходило ли вам в голову, – Мейсон перевел взгляд с Шастера на внуков, – что вы делаете из мухи слона? Почему вы не позволяете бедняге Эштону держать кота? Кот не вечен, да и Эштон тоже. Ни к чему тратить кучу денег на адвокатов ради такого пустяка.

– Не спешите, Мейсон, не спешите, – перебил Шастер, скользя руками по гладкой коже сиденья, пока они не оказались на краешке кресла. – Драка будет серьезная, драка будет тяжелая. Я своих клиентов предупредил. Вы человек предусмотрительный. Вы человек хитрый. Я бы даже сказал – изворотливый. Надеюсь, вы ничего не имеете против такого выражения, многие из нас приняли бы его как комплимент, я сам принял бы. Мои клиенты много раз говорили: «Ну и изворотлив этот Шастер!» Разве я обижаюсь? Нет. Я принимаю это как комплимент.

Делла Стрит удивленно посмотрела на Мейсона – его лицо внезапно стало твердым как гранит. Шастер поспешно продолжил:

– Я предупреждал клиентов, что Уинифред попытается оспорить завещание. Я знал, что она воспользуется любыми средствами, но не могла же она объявить деда сумасшедшим, и вопрос о незаконном вмешательстве стоять не мог. Должна же она была сделать хоть что-то, что в ее силах, вот она и подсунула Эштона с его котом.

– Послушайте, мистер Шастер, – в голосе Мейсона звучал гнев, – прекратите нести вздор! Все, что я хочу, – это чтобы привратнику оставили его кота. Ни к чему вашим клиентам тратить деньги на тяжбы. Если мы начнем процесс, он может обойтись дороже, чем испачканные котом комплекты постельного белья за десять лет.

Шастер энергично тряхнул головой:

– Вот о том-то я им и говорил, господин адвокат. Худой мир лучше доброй ссоры. Хотите мириться – пожалуйста.

– На каких условиях? – спросил Мейсон.

Шастер ответил с быстротой, выдающей предварительную подготовку:

– Уинифред подписывает согласие не оспаривать завещание. Эштон подписывает бумагу о том, что признает подлинность завещания, что оно было составлено человеком в здравом уме и твердой памяти. Тогда пусть Эштон держит кошку.

– Насчет Уинифред мне ничего не известно, – с раздражением сказал Мейсон. – Я ее не встречал и не говорил с ней. Я не могу просить ее подписать что бы то ни было.

Шастер с торжеством посмотрел на своих клиентов:

– Говорил я вам, что он умник! Говорил, что будет драка!

– Уинифред тут ни при чем, – сказал Мейсон. – Давайте спустимся на землю. Я заинтересован только в этом чертовом коте.

Минутное молчание было прервано хихиканьем Шастера. Сэм Лекстер, наблюдая за растущей яростью Мейсона, вступил в разговор:

– Вы, конечно, не станете отрицать, что угрожали мне лишением наследства. Я понимаю, это исходит не от Эштона. Мы ждем, что Уинифред опротестует завещание.

– Я только хочу, – сказал Мейсон, – чтобы кота оставили в покое!

– И вы заставите Уинифред подписать отказ от наследства? – спросил Шастер.

– Черт побери, не будьте дураком! – Мейсон посмотрел в лицо Шастеру. – Я не представляю интересы Уинифред. Я не знаю ее.

Шастер ликующе потер руки:

– Других условий у нас не может быть. Для нас это дело принципа. Я не думаю, что такое условие есть в завещании, но его можно рассмотреть и как спорное.

Мейсон вскочил, точно разъяренный бык против твякающего терьера.

– Послушайте, вы, – сказал он Шастеру, – я не люблю выходить из себя, но вы зашли достаточно далеко.

– Умно! – хихикнул Шастер. – Умно! Ну и хитрец!

Мейсон шагнул к нему:

– Черт вас возьми, вы отлично знаете, что я вовсе не представляю интересы Уинифред. Знаете, что мое письмо значило в точности то, что в нем написано. Но вы не могли раскошелить своих клиентов на дело о кошке, потому и придумали дело об оспаривании завещания. Еще и клиентов своих притащили! Раз я не знаком с Уинифред и не представляю ее интересов, как я могу заставить ее что-то подписать? Вы так запугали своих клиентов, что они теперь не успокоятся, пока не получат подпись Уинифред. А вам это сулит хороший, жирный гонорар.

– Клевета! – взвизгнул Шастер, вскакивая из кресла.

– Послушайте, – обратился Мейсон к внукам. – Я вам не опекун. Я не намерен выворачиваться наизнанку, спасая ваши деньги. Если вы согласны приютить этого кота, так и скажите. А не хотите – я заставлю Шастера заработать денежки, втянув вас в самую распроклятую тяжбу. Я не желаю, чтобы вас пугали мной и чтобы Шастер зарабатывал гонорар, рассиживая здесь и потирая руки.

– Осторожней! Осторожней! – Шастер буквально заплясал от негодования. – Это нарушение профессиональной этики! Я вас привлеку за клевету.

– Привлекайте, – сказал Мейсон. – Катитесь отсюда вместе со своими клиентами. Или вы к двум часам известите меня о том, что кошка остается в доме, или будете иметь судебное преследование – все трое. И запомните одно: если уж я вступаю в драку, я бью тогда, когда никто этого не ждет. И не говорите потом, что я вас не предупреждал. Я жду до двух часов. Убирайтесь.

– Вы меня не одурачите, Перри Мейсон, – выступил вперед Шастер. – Вы этим котом прикрываетесь. Уинифред хочет опротестовать...

Перри Мейсон быстро шагнул к нему. Маленький адвокат отступил и танцующей походкой направился к двери, открыл ее и вышел.

– Мы еще поборемся, – пообещал он через плечо. – Я драться умею не хуже вас, мистер Мейсон!

Сэмюэль Лекстер с минуту поколебался, словно желая что-то сказать, затем повернулся и вышел, сопровождаемый Фрэнком Оуфли.

Перри Мейсон хмуро встретил улыбающийся взгляд Деллы Стрит.

– Валяй, – сказал он. – Начинай: «Я же тебе говорила...»

Она покачала головой:

– Побей хорошенько этого крючкотвора!

Мейсон поглядел на часы:

– Позвони Полу Дрейку, пусть он будет здесь в два тридцать.

– А Эштон?

– Нет, – сказал он. – Эштону и без того есть о чем беспокоиться. Думаю, дело становится серьезным.

## Глава 3

Часы на столе Перри Мейсона показывали два тридцать пять. Пол Дрейк, глава «Детективного агентства Дрейка», развалился на кожаном кресле в излюбленной позе. Уголки его губ чуть дергались, придавая лицу насмешливое выражение, глаза были большие, пронизательные, со стеклянным блеском.

– В чем беда на этот раз? – спросил он. – Я что-то не слыхал еще об одном убийстве.

– Речь идет не об убийстве, Пол. На сей раз – о коте.

– Что?!

– Кот, персидский кот.

– Ладно, – вздохнул сыщик. – Пусть будет кот. В чем дело?

– У Питера Лекстера, – начал Мейсон, – был городской дом, но жил он в загородном имении в Карменсите. Загородный дом сгорел, и Питер вместе с ним. Он оставил внуков: Сэмюэля К. Лекстера и Фрэнка Оуфли – наследников по завещанию – и Уинифред Лекстер, которая не получила ничего. Лекстер завещал заботиться о Чарльзе Эштоне, привратнике, который должен быть обеспечен работой пожизненно. У Эштона есть кот. Сэмюэль Лекстер приказал ему от кота избавиться. Сочувствуя Эштону, я написал Лекстеру письмо и просил оставить кота. Лекстер отправился к Нату Шастеру. Тот увидел здесь шанс поживиться и, внушив Лекстеру, будто я пытаюсь оспорить завещание, потребовал от меня массу нелепых условий. Когда же я отказался, он обыграл мой отказ. Наверняка получил хороший куш.

– Чего же ты хочешь? – спросил Дрейк.

– Оспорить завещание, – мрачно сказал Мейсон.

Детектив зажег сигарету и медленно поинтересовался:

– Оспорить завещание из-за кота, Перри?

– Из-за кота, но я собираюсь еще и побить Шастера. Он мне надоел. Он сутяга, взяточник и жулик. Он позорит нашу профессию. Он уже хвастался по всему городу, что если когда-нибудь выступит против меня, то уж он-то мне покажет... Он мне надоел.

– У тебя есть копия завещания? – спросил Дрейк.

– Пока нет, но у меня есть копия, сделанная для подтверждения.

– Оно уже вступило в силу?

– Я так понял, что да. Тем не менее его можно оспорить.

– Что я должен делать?

– Для начала найди Уинифред. А потом раскопай все, что сможешь, насчет Питера Лекстера и его наследников.

Стеклянные глаза Пола оценивающе посмотрели на Мейсона.

– Коты могут приносить массу денег, – заметил детектив.

Лицо Мейсона оставалось серьезным.

– Не уверен, Пол, что это именно тот случай, где можно заработать. Очевидно, Питер Лекстер был скрягой. Он не очень-то доверял банкам. Незадолго до смерти он получил наличными миллион долларов. Наследники не могут найти этот миллион.

– Может, деньги сгорели вместе с ним? – спросил Дрейк.

– Возможно, – согласился Мейсон. – Когда Эштон вышел из моей конторы, за ним следил какой-то человек – он ехал в новеньком зеленом «паккарде».

– Не знаешь, кто был этот парень?

– Нет, я не рассмотрел лица. Видел только светлую фетровую шляпу и темный костюм. Возможно, за этим ничего нет, а возможно – есть. Вполне вероятно, что-то готовится против Уинифред Лекстер, а я собираюсь оспаривать завещание ради нее. Шастер столько болтал о том, что он со мной сделает, если окажется в суде против меня, что я должен дать ему шанс.

– Ты не можешь навредить Шастеру тяжбой, – сказал сыщик. – Он как раз ее и добивается. Твое дело – бороться за интересы своих клиентов, а Шастера – содрать денежки со своих.

– Ничего он не сдерет, если его клиенты потеряют деньги, – сказал Мейсон. – Предыдущее завещание было целиком в пользу Уинифред. Если я оспорю второе завещание, станет действительным прежнее.

– Собираешься сделать своей клиенткой Уинифред? – спросил Дрейк.

– Мой клиент – кот, – упрямо покачал головой Мейсон. – Уинифред может мне понадобиться как свидетельница.

Дрейк поднялся.

– Зная тебя, – сказал он, – я предвижу, что ты потребуешь массу действий с моей стороны.

– И быстрых, – мрачно кивнул Мейсон. – Достань мне информацию по всем доступным пунктам: собственность, здравый рассудок, постороннее влияние – словом, все.

Как только Дрейк закрыл за собой дверь, в нее небрежно постучал Джексон и вошел, неся несколько листков бумаги стандартного размера с отпечатанным на машинке текстом.

– Я сделал копию с завещания, – объявил он, – и как следует вчитался. Насчет кота, конечно, слабовато. Это ведь не условие, от которого зависит потеря наследства. Даже имущество нельзя описать. Просто желание завещателя.

– Что еще? – разочарованно спросил Мейсон.

– Очевидно, Питер Лекстер сам составил это завещание. Он изучал право. Все непрошибаемо, но имеется один особый параграф. Вот с ним мы можем кое-что сделать в смысле опротестования.

– Что же там такое? – спросил Мейсон.

Джексон взял завещание и прочел:

– «При жизни я был окружен привязанностью не только своих родственников, но и тех, кто надеялся на мою щедрость, заслуженную каким-либо случайным обстоятельством. Я никогда не был в состоянии определить, какая часть этой привязанности была искренней, а какая происходила от желания проложить путь к моему завещанию. Если причина была в последнем, боюсь, мои наследники будут огорчены, ибо размеры моего состояния их не удовлетворят. Меня утешает одна мысль: те, кто с нетерпением ждал наследства, будут разочарованы, зато те, кто любил меня искренне, избегнут разочарования».

Джексон остановился и многозначительно посмотрел на Перри Мейсона. Мейсон нахмурился:

– На кого он намекает? Лишил наследства Уинифред и оставил состояние другим внукам поровну. В этом параграфе нет ничего такого, чтобы понять его как-то иначе.

– Ничего, сэр, – согласился Джексон.

– Он куда-то упрятал миллион долларов наличными незадолго до смерти, но, даже если бы их нашли, это тоже часть его состояния.

– Да, сэр.

– Если только он не сделал перед смертью подарок, – сообразил Мейсон. – В этом случае подарком будет владеть тот, кому он сделан.

– Это особый случай, – уклончиво ответил Джексон. – Он ведь мог оставить этот дар по доверенности.

Мейсон медленно произнес:

– Не могу забыть о той пачке денег, которая была в кармане Чарльза Эштона, когда он обратился ко мне... И все же, Джексон, если Питер Лекстер дал Эштону деньги, вокруг них может затеяться тяжба – невзирая на то, есть доверенность или ее нет.

– Да, сэр, – согласился Джексон.

Мейсон не спеша кивнул и снял трубку телефона, соединявшего его с комнатой Деллы Стрит. Услышав ее голос, он сказал:

– Делла, свяжись с Полом Дрейком и попроси его поискать информацию про Чарльза Эштона. Особенно меня интересуют финансовые дела Эштона: имеет ли он банковский счет, зарегистрированы ли какие-то его налоги на собственность, имеет ли он собственность вообще, имеет ли срочный вклад, в каком размере платит налог на имущество – все, что можно выяснить.

– Да, шеф, – ответила Делла. – Информация нужна срочно?

– Срочно.

– Бюро путешествий сообщило, что будет держать каюту до десяти тридцати завтрашнего утра, – холодно и четко объявила Делла Стрит, а затем бросила трубку, предоставив Перри Мейсону ухмыляться в утративший признаки жизни микрофон.

## Глава 4

Служащие давно ушли, а Перри Мейсон, засунув большие пальцы в проймы жилетки, расхаживал взад-вперед по кабинету. Перед ним на столе лежала копия завещания Питера Лекстера. Зазвонил телефон. Мейсон схватил трубку и услышал голос Пола Дрейка:

– Ты что-нибудь ел, Перри?

– Пока нет. Не могу есть, когда думаю.

– Хочешь послушать рапорт? – спросил детектив.

– Отлично.

– Он еще не полон, но главное я узнал.

– Хорошо, приходи.

– Наверное, я лучше все обдумаю, если ты придешь ко мне, – предложил Пол Дрейк. – Я на углу улиц Спринг и Мелтон. Здесь закусочная, и мы могли бы перекусить. У меня ни крошки не было во рту, пока я охотился за информацией.

Нахмурившись, Мейсон созерцал лежащее на столе завещание.

– Хорошо, – согласился он. – Еду.

Взяв такси, он добрался до того места, которое указал Дрейк. Внимательно заглянув в глаза детективу, он сказал:

– Похоже, ты попал на след, Пол. У тебя вид кота, нализавшегося сливок.

– Разве? Сливки немного.

– Что нового?

– Расскажу, когда поедем. На голодный желудок говорить отказываюсь... Господи, Перри, не влезай ты в это дело. Так на него накинута, будто речь об убийстве. Всего-то навсего кот. Бьюсь об заклад: ты не заработаешь больше пятидесяти долларов.

– Точнее – десять, – засмеялся Мейсон.

– Вот так-то! – Дрейк обратился к воображаемой публике.

– Гонорар тут ни при чем. Адвокат доверяет клиенту. Сколько заплатит, столько и хорошо. Если клиент ничего не платит, не стоит браться за дело, но если платит – не имеет значения, пять центов или пять миллионов долларов. Адвокат должен все сделать для своего клиента.

– С такой теорией ты мог бы заниматься практикой, Перри, разве только частным образом... Вот и закусочная.

Мейсон остановился в дверях, с сомнением разглядывая освещенный зал. Молодая темноволосая женщина со смеющимися глазами и полными яркими губами восседала над батареей вафельниц. Единственный посетитель расплачивался с ней. Она пробила в кассе чек, наградила посетителя сияющей улыбкой и начала вытирать стойку.

– Что-то я не уверен, что хочу вафель, – сказал Мейсон.

Сыщик взял его под руку и мягко втощил в зал.

– Конечно, хочешь!

Они уселись у стойки. Темные глаза пробежали по их лицам, полные яркие губы растянулись в улыбке.

– Две порции ветчины, – сказал Дрейк. – И вафли.

– Кофе? – спросила молодая женщина, выкладывая на тарелки ветчину и вафли.

– И кофе.

– Сразу?

Она налила две чашки кофе, добавила по ложечке сливок, поставила на блюдца. Расстелила бумажные салфетки, разложила приборы, поставила стаканы с водой и положила на тарелки масло. Загудели вафельницы, и Дрейк повысил голос:

– Ты думаешь, Перри, можно оспорить завешание Лекстера?

– Не знаю. В этом завещании есть что-то странное. Я три часа над ним думал.

– Забавно, что он лишил наследства любимую внучку, – продолжал сыщик громким голосом. – Сэм Лекстер гонялся за развлечениями, старику это не нравилось. Оуфли – парень замкнутый, неконтактный. Старик и его не очень-то любил.

Молодая женщина за прилавком перевернула ветчину и бросила на них быстрый взгляд.

– Завешание оспорить трудно? – спросил Дрейк.

– Ужасно, – утомленно признал Мейсон, – если пытаться его оспорить на основании постороннего влияния или душевной болезни. Но говорю тебе, Пол, я собираюсь это сделать!

На стойку со звоном швырнули тарелку. Мейсон поднял удивленный взгляд навстречу вспыхнувшим глазам и решительно сжатым губам.

– Послушайте, – сказала девушка, – что это за игра? Я вполне самостоятельна, в помощи не нуждаюсь, а вы являетесь...

Пол Дрейк сделал рукой жест с деланным безразличием человека, который устроил сенсацию, но хочет выдать ее за будничную работу.

– Перри, – сказал он, – познакомься с Уинифред Лекстер.

Столько искреннего удивления отразилось на лице Мейсона, что негодование растаяло в глазах девушки.

– Вы что – не знали? – спросила она и указала на вывеску за окном: – Вы могли бы прочесть – «Вафли Уинни».

– Я не посмотрел на вывеску, – сказал Мейсон. – Меня привел сюда мой друг. Какова была идея, Пол? Выудить кролика из шляпы?

Поглаживая чашку кончиками пальцев, Дрейк слабо улыбнулся:

– Я хотел вас познакомить. Я хотел, чтобы мой друг увидел, как вы тут управляетесь, мисс Лекстер. Наверное, наследнице не следовало бы печь вафли?

– А я вовсе не наследница.

– Не говорите так уверенно, – сказал Дрейк. – Ведь это адвокат Перри Мейсон.

– Перри Мейсон? – повторила она. Глаза ее расширились.

– Слышали о нем? – поинтересовался Дрейк.

– А кто же не слышал? – Она покраснела.

– Я хотел кое-что спросить о вашем дедушке, – сказал Мейсон. – Дрейка я нанял, чтобы найти вас.

Она сняла железную крышку с вафельницы, вынула две румяные вафли. Быстро и ловко положила на них тающее масло, вручила каждому по вафле и по тарелочке с ветчиной.

– Еще кофе? – спросила она.

– Нет, и так все прекрасно, – заверил ее Мейсон.

Мейсон откусил вафлю – и на его лице отразилось удивление.

– Где вы научились так готовить? – поинтересовался он.

– Дедушке очень нравились такие вафли. Когда я осталась сама по себе, я решила, что можно этим зарабатывать. Сейчас-то спокойно, а час назад здесь такая толпа была, и после театра будет. Ну, и утром тоже.

– Кто управляется с торговлей утром? – спросил Мейсон.

– Я.

– И после театра?

Она кивнула:

– Я для себя работаю, наемной прислуги не держу, нет такого закона, чтобы ограничить мое рабочее время.

Дрейк подтолкнул Мейсона ногой под столом и сказал, почти не шевеля губами:

– Вот так птичка за окном!

Мейсон поднял глаза. Снаружи отчаянно тряс головой, выпучив губы вокруг редких зубов, Нат Шастер. Как только он понял, что Мейсон его видит, он отошел от витрины. Мейсон заметил, что Уинифред Лекстер растерялась.

– Вы с ним знакомы? – спросил он.

– Да. Покупатель. Закусывает здесь уже два или три дня. Сегодня он дал мне подписать какую-то бумагу.

Мейсон не спеша положил нож и вилку на край тарелки.

– Ах так? – сказал он. – Подписать бумагу?

– Да. Сказал, что я, конечно, помогу выполнить волю дедушки, даже если он меня не упомянул в завещании, он верит в мое благоразумие, я ведь в состоянии понять, что дедушка мог со своими деньгами делать что хотел, но другим внукам придется долго ждать, пока пройдет всякая бюрократическая волокита, а я могу помочь им и сэкономить время, если подпишу.

– Что это была за бумага?

– Не знаю. Что-то там говорилось о том, будто мне известно, что дед не был сумасшедшим, и что меня завещание удовлетворяет, и что я не стану его опротестовывать... Но я действительно не стану этого делать.

Дрейк многозначительно посмотрел на Мейсона.

– Он вам что-нибудь заплатил? – поинтересовался Мейсон.

– Он хотел дать мне доллар. Подошел и оставил на прилавке. Я подняла его на смех и сказала, что ничего мне не нужно, но он сказал, что я должна взять доллар, чтобы все было законно. Он очень милый. Сказал, что ему нравятся вафли и он будет рекламировать мое заведение.

Перри взглянул на вафлю.

– Да, – сказал он медленно. – Это он сделает.

Уинифред Лекстер положила руки на полку, где стояла батарея металлических вафельниц.

– Ладно, – она наклонила голову. – Теперь я вам кое-что скажу. Все равно. Я знала – того типа подослал Сэм Лекстер, и догадывалась, что он адвокат. Я понимала, что он меня заставляет подписывать эту бумагу, потому что боится, как бы из-за меня не вышло неприятностей. Не знаю уж, зачем вы здесь, но вы, наверное, хотите меня втянуть в какую-то тяжбу. Давайте поговорим в открытую. Дед был не дурак. Он знал, что делает. Он решил оставить состояние моим братьям. Ладно. Меня это вполне устраивает. Мы все трое давным-давно жили с ним. Мы привыкли, что он оплачивает наши счета. О деньгах мы не заботились. Мы не боялись ни депрессии, ни безработицы, ни паники на бирже. Денежки у деда водились – наличные. Он щедро нам их раздавал. И что из этого вышло? Мы были отгорожены от мира. Мы не знали, что вокруг происходит, и знать не хотели. Мы жили так, что к старости могли бы угодить в богадельню. У меня было двое парней, которые за мной ухаживали. Не знаю, кто мне больше нравился. Оба были хороши. Потом дед умер, ничего мне не оставил. Мне пришлось начать работать. Я занялась делом и узнала кое-что о жизни. В этом заведении я увидела больше людей и получила больше радости от работы, чем за всю свою жизнь. И я избавилась от ревности двоюродных братьев, которые боялись, что я унаследую все. Один из моих поклонников сразу потерял ко мне интерес, как только понял, что у меня не будет миллиона. Второй только о том и думает, как бы мне помочь. Так вот, подумайте: хочу ли я идти в суд, поливая грязью деда и других внуков, чтобы занять состояние, которое мне вовсе не нужно?

Перри Мейсон протянул через стойку свою чашку:

– Налейте-ка мне еще кофе, Уинни, и я пришлю сюда всех своих друзей!

Ее сияющие глаза на минуту остановились на лице адвоката, усмотрев в нем нечто ей понятное. Она облегченно рассмеялась:

– Очень рада, что вы поняли. Я боялась, что не поймете.

Пол Дрейк прочистил горло:

– Послушайте, мисс Лекстер, прекрасно обладать такими чувствами, но не забывайте, что они могут измениться. Добывать деньги тяжело. Вас уже втянули в это дело, и вы что-то подписали.

Уинифред подала Мейсону чашку с кофе и подчеркнуто сказала:

– Объясните вашему другу, в чем дело, хорошо?

Мейсон прервал Пола Дрейка, сжав его руку мощными пальцами:

– Пол, ты не понял. Ты дьявольски расчетлив. Почему бы не забыть о деньгах и не посмеяться? Не стоит задумываться о будущем, когда есть настоящее. Важно не то, что ты сэкономишь, а то, что ты делаешь и как ты это делаешь.

Уинифред кивнула. Детектив пожал плечами:

– Вы приближаете свои похороны.

Мейсон доел вафлю не спеша, чтобы почувствовать вкус.

– Вы будете иметь успех, – сказал он девушке, отдавая пустую тарелку.

– Я уже имею его: я нашла себя. С вас восемьдесят центов.

Мейсон вручил ей доллар.

– Сдачу положите под тарелочку, – сказал он улыбаясь. – Какие у вас отношения с Эштоном?

– Эштон – старый ворчун, – усмехнулась она, ловко манипулируя с кассовым аппаратом.

Мейсон сказал с тщательно рассчитанным участием:

– Так скверно, что он лишается своего кота.

Уинифред застыла над раскрытым ящиком с мелочью:

– Как это – лишается кота?

– Сэм не разрешает ему держать животное.

– Но по завещанию он должен разрешить! Он обязан держать Эштона!

– Но не его кота.

– Вы хотите сказать, что он запрещает Эштону держать Клинкера?

– Именно так.

– Но он не может выгнать Клинкера!

– Он грозит отравить его.

Мейсон, слегка подтолкнув Дрейка, направился к двери.

– Минутку, – окликнула она. – Надо же что-то делать! Он не должен... Это же ужасно!

– Поглядим, что мы можем сделать, – пообещал Мейсон.

– Но постойте! Вы должны что-то предпринять! Может быть, я смогу помочь? Как вас найти?

Перри Мейсон дал ей карточку и сказал:

– Я адвокат Эштона. Если вы придумаете, как помочь, дайте мне знать. И не подписывайте больше никаких бумаг.

Открылась уличная дверь. Молодой человек среднего роста улыбнулся Уинифред Лекстер, потом смерил Перри Мейсона оценивающим взглядом, скользнул глазами по Дрейку – и стал агрессивен. Он был на голову ниже детектива, но дерзко подскочил к нему и уставился немигающими серыми глазами:

– А ну говорите, что вам здесь надо?

– Да просто вафель поесть, парень, – мирно сказал Дрейк.

– Это хороший клиент, Дуг, – вмешалась Уинифред.

– А ты откуда знаешь, что хороший? – Молодой человек не спускал глаз с Пола Дрейка. – Он ко мне сегодня привязался, что будто бы хочет заключить какой-то контракт и ищет человека, понимающего в архитектуре. Я и пяти минут с ним не говорил, как понял, что ничего он в контрактах не понимает. Он детектив.

– Значит, вы лучше как детектив, чем я как деловой человек, – улыбнулся ему Дрейк. – Ну и что?

Молодой человек повернулся к Уинифред.

– Вышвырнуть его, Уинни? – спросил он.

– Все в порядке, Дуг, – засмеялась она. – Поздоровайся с Перри Мейсоном, адвокатом.

Это Дуглас Кин, мистер Мейсон.

– Перри Мейсон! – Выражение лица молодого человека изменилось. – А-а...

Мейсон подал руку Кину:

– Рад познакомиться, мистер Кин. А это Пол Дрейк.

Как только Мейсон освободил руку Кина, ею завладел Дрейк:

– Ладно, парень, не помни зла. Работа есть работа.

Внимательные серые глаза оглядели обоих. Первоначальная робость сменилась решимостью.

– Поглядим, – сказал он. – Я собираюсь кое-что сообщить. Мы с Уинифред обручены. Если бы я мог ее прокормить, я бы хоть завтра женился на ней, но я не допущу, чтобы она меня содержала. Я архитектор, а вы знаете, как мало сейчас у архитекторов шансов получить работу. Но еще каких-нибудь два года – люди ощутят нехватку жилищ, и я как следует устроюсь...

Мейсон кивнул, видя энтузиазм на юном лице.

– Да, – сказал Пол Дрейк, – каких-нибудь два года...

– Не подумайте, что я жду сложа руки, – сказал Кин. – Я работаю на станции обслуживания и доволен своей работой. Сегодня у нас на станции большой босс побывал – хотя никто не знает толком, кто он такой. Так вот, он перед отъездом дал мне свою карточку и потрепал по плечу за отличную работу.

– Хороший вы парень, – сказал Мейсон.

– Да я просто потому вам говорю это, что хочу знать, чего вы добиваетесь.

Мейсон взглянул на Уинифред Лекстер. Она была полностью поглощена Дугласом Кином. Лицо ее светилось от гордости. Кин отступил на шаг, теперь он стоял между гостями и дверью.

– Ну, – сказал Кин, – я вам выложил свои карты, теперь выкладывайте свои. Питер Лекстер умер. Он не оставил Уинифред ни цента. Я-то рад, что это так. Она в его деньгах не нуждается. Она теперь лучше обеспечена, чем когда жила с дедом.

Рука Мейсона опустилась на плечо молодого человека.

– Мы и не пытаемся здесь поживиться, – сказал он.

– А что же вы тут околачиваетесь?

– Мне нужна информация, чтобы защитить моего клиента.

– Кто такой этот клиент?

– Хотите – верьте, хотите – нет, – ухмыльнулся Мейсон, – но это кот.

– Кто?!

– Чарли Эштон, Дуг, – вмешалась Уинифред. – Ты же знаешь, что кузены обязаны держать его привратником, но Сэм грозитя отравить кота, а мистер Мейсон защищает Эштона, пытается доказать, что он вправе держать животное.

– Ты что – хочешь сказать, что Сэм Лекстер грозитя отравить Клинкера? – Челюсти Кина сурово сжались.

Она кивнула.

– Ну будь я проклят! – медленно произнес Кин и повернулся к Перри Мейсону. – Послушайте, – сказал он, – я хотел остаться в стороне, но раз Сэм такое устраивает, спросите-ка его, что стало с колтсдорфскими бриллиантами!

– Дуг! – резко предостерегла Уинифред.

– Не останавливай меня, – повернулся он к ней. – Ты не знаешь того, что знаю я. А я знаю о Сэме кое-что, и это выйдет наружу. Не волнуйся, Уинни, я не собираюсь его выдавать. Эдит де Во...

Уинифред твердо перебила его:

– Мистер Мейсон занимается только котом, Дуг.

Кин рассмеялся резким, нервным смехом:

– Извини. Я, наверное, от всего этого устал. Я не выношу людей, которые способны отравить животное, а уж тут... Клинкер стоит десятка таких, как Сэм Лекстер. Ладно, не буду вмешиваться.

Пол Дрейк небрежно опустил на один из табуретов.

– Так что же такое выйдет наружу насчет Сэма Лекстера?

Мейсон положил руку ему на плечо:

– Минутку, Пол. Эти люди были с нами до конца откровенны, будем же и мы говорить со всей откровенностью. Вы хотите дать нам какую-то информацию? – повернулся Мейсон к Уинифред.

– Я не хочу вмешиваться, – покачала она головой, – и не хочу, чтобы вмешивался Дуг.

Мейсон взял Дрейка за руку и буквально потащил его по проходу между табуретками:

– Пойдем, Пол!

Когда дверь закрывалась, Уинифред улыбнулась им вслед и помахала рукой.

– Зачем мы ушли? – запротестовал Дрейк. – Этот парень что-то знает. Он говорил с Эдит де Во.

– Кто такая Эдит де Во?

– Сиделка, которая жила в доме. Она-то уж может кое-что знать.

Мейсон, задумчиво оглядев улицу, сказал:

– Если только я увижу, что тут шляется Шастер, уж я его отделаю. Вообрази только: этот взяточник является и заставляет ее подписывать подобную бумагу!

– Это в его духе, – сказал Дрейк. – Что ты можешь поделать? У тебя нет даже клиента, который мог бы опровергнуть завещание. Это завещание вроде бы золотое, да?

– Мой клиент – кот, – мрачно заявил Мейсон.

– А может кот опротестовать завещание? – спросил Дрейк.

Лицо Мейсона выражало решимость опытного борца.

– Будь я проклят, если знаю! – воскликнул он. – Пошли к Эдит де Во.

– Но как же ты опротестуешь завещание, если не защищаешь пострадавшую сторону? Двое заинтересованных лиц – наследники, а третье подписало отказ от своих прав, – настаивал сыщик.

– Я уже предупредил, – сказал Мейсон. – Я бью неожиданно.

## Глава 5

В такси сыщик сообщил Мейсону то, что узнал.

– Не все ясно с твоим клиентом Чарльзом Эштоном, – сказал он. – Они с Питером Лекстером попали в автомобильную аварию. Эштон здорово покалечился. Он пытался получить денежную компенсацию и не смог. Владелец другой машины не был застрахован и не имел ни цента. Эштон устроил скандал, говорил, что у него тоже ни цента нет.

– Это нормально, – заметил Мейсон. – У него мог быть миллион отложен, а он говорил бы то же самое.

Дрейк продолжал механическим голосом человека, который заинтересован больше в самих фактах, чем в их толковании:

– У него был банковский счет – единственный, насколько мы могли установить. В том банке он откладывал свое жалованье. Накопил долларов четыреста. После аварии он все потратил и остался еще должен врачам.

– Минутку, – удивился Мейсон, – разве Питер Лекстер не взял на себя расходы после аварии?

– Нет, но не спеши с выводами. Эштон говорил одному из своих друзей, что Лекстер хотел бы о нем позаботиться, но считал, что Эштону лучше покрыть расходы на врача и больницу из своего кармана, чтобы получить денежную компенсацию.

– Продолжай, – сказал Мейсон. – К чему ты клонишь?

– Незадолго до пожара Лекстер получил деньги наличными. Я не узнал сколько, но много. За три дня до пожара Эштон арендовал в банке два больших сейфа. Он взял их на свое имя, но сказал клерку, что у него есть сводный брат, который должен пользоваться сейфами в любое время. Клерк сказал, что сводный брат должен явиться и удостоверить свою подпись. Эштон заявил, что брат болен и не встает с постели, нельзя ли взять карточку, которую он подпишет. Обещал гарантировать подлинность подписи и исключал всякие претензии к банку. Ему выдали карточку, Эштон ушел и через час вернулся с подписанной карточкой.

– Подписанной именем?..

– Кламмерта, Уотсона Кламмерта.

– Кто такой Кламмерт? – спросил Мейсон. – Блеф какой-то?

– Нет, – сказал Дрейк. – Возможно, он и в самом деле брат Эштона. То есть был – он умер. Он не был зарегистрирован в городском управлении. Я навел справки. Уотсон Кламмерт получал водительские права. Я узнал адрес, съездил в больницу и выяснил, что Уотсон Кламмерт умер в течение двадцати четырех часов после того, как подписал банковскую карточку.

– Смерть чем-то подозрительна?

– Абсолютно ничем. Умер естественной смертью в больнице. При нем постоянно дежурили, но – тут-то и есть самое интересное – перед смертью он четыре дня находился в состоянии комы. Ни разу не приходил в сознание.

– Какого же черта он мог подписать?

– В том-то и дело, – монотонным голосом сказал Дрейк.

– Что еще о Кламмерте? – спросил Мейсон.

– Очевидно, они с Эштоном имели мало общего. Эштон много лет его не видел. Когда он узнал, что Кламмерт умирает в благотворительной больнице, он явился, чтобы ему помочь.

– Как ты это узнал?

– Эштон много разговаривал с одной из сиделок. Когда он услышал, что Кламмерт тяжело болен, он сразу приковылял и ходил по больнице, пока не нашел Кламмерта, лежащего без сознания. Он раскошелся и сделал все, что мог: заплатил специалистам, нанял сиделок и сам дежурил у постели. Он дал инструкции сиделке, чтобы Кламмерт имел все, что только можно

купить за деньги. Конечно, сиделка знала, что он умирает, и врачи знали, но они, естественно, дурачили Эштона, говоря ему, что есть один шанс из миллиона, и Эштон просил не упустить этот шанс. И еще: он поставил условие, что, если Кламмерт очнется, он не должен знать, кто его благодетель. Эштон объяснил сиделкам, что много лет назад они поссорились и с тех пор не виделись, – а из-за чего, как ты думаешь?

– Не знаю уж, Братец Кролик, – с раздражением сказал Мейсон, – из-за чего было поссориться Хромому Лису и Спящей Красавице?

– Из-за кота, – усмехнулся сыщик.

– Как из-за кота? – воскликнул Мейсон.

– Да, из-за кота по кличке Клиinker, он был еще котенком.

– О, дьявольщина!

– Насколько я могу судить, – продолжал Дрейк, – с того времени, как Эштон нашел своего брата, и до дня смерти Кламмерта он потратил около пятисот долларов на врачей и больничные расходы. Он за все платил наличными. Сиделка говорила, что он носил в бумажнике большие пачки денег. Где же, черт возьми, Чарльз Эштон взял эти деньги?

– Будь ты проклят, Пол, – Мейсон состроил гримасу. – Мне вовсе не нужно, чтобы ты своими фактами компрометировал моего клиента. Надо подловить Сэма Лекстера.

– Факты, – сухо сказал Дрейк, – вроде обрывков картинки-головоломки. Мне платят за то, что я их нахожу, тебе – за то, что ты их складываешь вместе. Если они окажутся не от той картинки, ты всегда сможешь засунуть ненужные туда, где их никто не найдет.

Мейсон хмыкнул, потом спросил задумчиво:

– Какого дьявола Эштому понадобилось, чтобы Кламмерт имел доступ к сейфам?

– Единственное, что приходит мне в голову, – сказал Дрейк, – что Эштон намеревался дать денег Кламмерту, если тот поправится, но встречаться с ним не хотел, поэтому собирался вручить ему ключ от сейфа, куда будет время от времени класть деньги, а Кламмерт – забирать.

– Не сходится, – сказал Мейсон. – Ведь Кламмерт должен был представить свою подпись, чтобы получить доступ к сейфу, а та подпись, которую Эштон выдал за его, не могла быть подлинной, потому что Кламмерт был без сознания.

– О'кей, – сказал Дрейк, – ты победил. Это я и хотел сказать, говоря, что факты – кусочки головоломки. Я их достаю, а ты складываешь.

– Кто-нибудь приходил в банк под именем Кламмерта?

– Нет. Эштон несколько раз пользовался сейфом, был там и вчера, и сегодня. Клерки не хотели об этом говорить, поэтому у меня создалось впечатление, что он вынул оттуда изрядную пачку денег.

– Откуда они знают, что берут из сейфа?

– Обычно они не знают, но один из клерков видел, как Эштон засовывал деньги в большую сумку. А твой клиент говорил что-нибудь о колтсдорфских бриллиантах? – поинтересовался сыщик.

– Нет, Пол. Мистер Эштон не говорил мне о колтсдорфских бриллиантах. А что такое колтсдорфские бриллианты? Пол, это ты должен рассказать мне о них.

– Это единственные драгоценности, которыми владел Питер Лекстер, – усмехнулся сыщик. – Бог знает, как они ему достались. Они были в числе камней, вывезенных из России каким-то аристократом. Питер Лекстер показывал их немногим друзьям. Это крупные, хорошо обработанные камни. Бумажные купюры или ценные бумаги могли сгореть во время пожара, и следа бы от них не осталось. Но ведь и колтсдорфских бриллиантов не нашли.

– Трудно найти бриллианты в обломках сгоревшего дома, – сухо возразил Мейсон.

– Обломки чуть ли не гребенкой прочесали, просеяли золу и прочее. Но бриллиантов не обнаружили. На Питере Лекстере нашли кольцо с рубином, которое он обычно носил, а бриллиантов не было.

– Рассказывай дальше, – потребовал Мейсон. – Эштона видели с этими драгоценностями?

– Мне об этом неизвестно. Но есть другие факты. Например, незадолго до пожара Лекстер приценивался к одному имению. Он ездил осматривать усадьбу вместе с Эштоном. Дня два назад Эштон приезжал к владельцу и хотел купить имение, расплатившись тут же наличными.

– Ему отказали?

– Пока да, но я думаю, вопрос остался открытым.

– Похоже, я ворочу осиное гнездо, – задумчиво сказал Мейсон. – Лекстер мог держать имение втайне... Кажется, придется поговорить с Эштоном.

– Внуки в ярости, особенно Сэм, – тусклым голосом сказал Дрейк. – Оуфли – спокойный и замкнутый малый. А Сэм увлекался гоночными машинами, поло, женщинами и прочее.

– Где же он брал деньги?

– У старика.

– Я думал, старик был скуп.

– Да, он был прижимист, но внуков баловал.

– Сколько он тратил?

– Никто не знает. Инвентаризация его поместья...

– Ладно, не будем об этом, – перебил Мейсон. – Меня интересует только кот.

– Накануне пожара в доме была ужасная ссора. Я точно не знаю, что случилось, но думаю, сиделка может рассказать. Я говорил со слугами – у них ничего не выудить. До сиделки я еще не добрался... А вот и ее дом.

– Как ее зовут? Дерфи?

– Нет, де Во, Эдит де Во. Квалифицированная сиделка и сестра. Фрэнк Оуфли очень ею интересовался, когда она ухаживала за стариком. Они и теперь иной раз видятся.

– С честными намерениями? – спросил Мейсон.

– Не спрашивай меня. Я детектив, а не полиция нравов. Идем.

Мейсон расплатился за такси. Они позвонили, дверь автоматически открылась, они прошли по длинному коридору в комнату первого этажа. В дверях их встретила рыжеволосая женщина с беспокойным взглядом, быстрыми, нервными движениями и приятной фигурой. На ее лице отразилось разочарование.

– Ой, – сказала она, – а я ждала... Кто вы?

Детектив поклонился и представился:

– Я Пол Дрейк. А это мистер Мейсон, мисс де Во.

– Что вам нужно? – Речь ее была быстрой, слова почти сливались друг с другом.

– Мы хотели с вами поговорить, – сказал Мейсон.

– Насчет места, – поспешил добавить Пол Дрейк. – Вы ведь сиделка, правда?

– Что за место?

– Наверное, было бы удобнее говорить, если бы мы вошли, – осмелился предложить Пол. Она поколебалась, оглядывая коридор, потом отступила со словами:

– Хорошо, вы можете войти, но только на несколько минут.

Комната была в таком состоянии, словно хозяйка только что закончила уборку. Прическа мисс де Во – волосок к волоску, ногти в полном порядке. Похоже было, что она нарядилась в лучшее свое платье. Дрейк уселся и устроился поудобнее, будто собирался пробыть здесь несколько часов. Мейсон присел на ручку кресла, посмотрел на детектива и нахмурился.

– Возможно, это место – не совсем то, к чему вы привыкли, – сказал Дрейк. – Но не мешает о нем поговорить. Сколько вы берете за день?

– Вы хотите сказать – два-три дня?

– Нет, только один.

– Десять долларов, – твердо заявила она.

Дрейк достал бумажник, отсчитал десять долларов, но не отдал их сразу, а сказал:

– Работа не отнимет у вас больше часа, но я плачу за весь день.

Она нервно облизнула губы кончиком языка, быстро перевела взгляд с Мейсона на Дрейка. В ее голосе звучало подозрение:

– Так что же все-таки за работа?

– Мы хотим, чтобы вы припомнили несколько фактов, – Дрейк крутил купюры между пальцами. – У вас это отнимет десять-пятнадцать минут, а потом вы нам эти факты запишете.

Она спросила настороженно:

– Какие факты?

Сыщик наблюдал за ней стеклянными глазами. Протянул десять долларов.

– Мы хотим знать, что вам известно о Питере Лекстере.

Она вздрогнула, тревожно переводя взгляд с одного на другого:

– Вы что – сыщики?

Лицо Дрейка приобрело выражение игрока в гольф, который только что сделал точный удар.

– Можно и так назвать, – согласился он. – Нам нужны определенные сведения. Мы хотим знать факты – ничего, кроме фактов. Мы не собираемся ни во что вас втягивать.

– Нет, – она энергично покачала головой, – мистер Лекстер нанял меня как сиделку. Было бы неэтично выдавать его секреты.

Перри Мейсон, наклонившись вперед, взял нить разговора в свои руки:

– Дом загорелся, мисс де Во?

– Да, дом загорелся.

– И вы были в это время там?

– Да.

– Пожар начался быстро?

– Очень быстро. Я как раз проснулась. Почуяла дым и сначала подумала, что это печка. Потом решила проверить. Накинула халат и открыла дверь. Южная сторона дома была в огне, я закричала, а через несколько минут... Наверное, больше добавить нечего.

– Вы не знаете, дом был застрахован? – спросил Мейсон.

– Думаю, что да.

– А не знаете, была ли выплачена страховка?

– Думаю, что да. Наверное, ее выплатили мистеру Сэмюэлю Лекстеру. Ведь он же душеприказчик?

– Был ли в доме кто-нибудь, кого вы не любили? – спросил Мейсон. – Кто-то особенно неприятный вам?

– Почему вы задаете такой странный вопрос?

– Когда случается пожар, – не спеша сказал Мейсон, – во время которого кто-то гибнет, власти обычно устраивают расследование. Оно начинается с пожара, но не всегда пожаром оканчивается, и свидетелям лучше говорить все, что они знают.

Она подумала несколько секунд, глаза ее сверкнули:

– Вы хотите сказать, что, если я не дам показаний, я попаду под подозрение, что подожгла дом, чтобы уничтожить кого-то, кто мне не нравился? Но это абсурд!

– Хорошо, поставим вопрос иначе, – согласился Мейсон. – Был в доме кто-то, кто вам нравился?

– Что вы под этим подразумеваете?

– Очень просто: нельзя, живя с людьми под одной крышей, не испытывать определенных привязанностей или неприязни. Предположим, что там был кто-то, кого вы не любили, а кого-то другого любили. Нам нужны факты о пожаре. Если мы получим их от вас – это одно, а если

нам предоставит их человек, которого вы не любите, особенно если этот человек попытается свалить вину на того, кого вы любите, – совсем другое.

Она выпрямилась:

– Вы хотите сказать: Сэм Лекстер обвиняет Фрэнка Оуфли?

– Конечно, нет, – сказал Мейсон. – Я не делаю никаких заявлений. Я не даю информации. Я пришел ее получить. Пойдем, Пол. – Он кивнул детективу и поднялся.

Эдит де Во вскочила со стула и кинулась к двери, загородив дорогу Мейсону:

– Подождите, я не поняла, что вам нужно! Я скажу все, что знаю!

– Нам нужно узнать многое, – задумчиво сказал Мейсон, словно сомневаясь, вернуться ли на место. – Не только о пожаре, но и о том, что ему предшествовало. Наверное, лучше спросить у кого-то другого. Нам нужно знать о жизни и привычках людей в доме, где вы были сиделкой... В конце концов, лучше вас от этого избавиться.

– Нет, нет, не надо! Вернитесь. Я расскажу вам все, что знаю. Никаких тайн тут нет, и если уж вам надо знать, я расскажу. Если Сэм даже намекнул, что Фрэнк Оуфли как-то связан с пожаром, он просто хотел отвести подозрение от себя.

Мейсон вздохнул и с явной неохотой вернулся на свое место, снова уселся на подлокотник и сказал:

– Мы охотно послушаем несколько минут, но говорите живей, мисс де Во. Время нам очень дорого.

– Я понимаю, – поспешно начала она. – Мне все время казалось, что есть что-то странное в этом пожаре. Я сказала это Фрэнку Оуфли, а он посоветовал мне молчать. Я пыталась разбудить мистера Лекстера – то есть старика. Пламя уже бушевало в той части дома. Я кричала и пробиралась ощупью наверх. Там было жарко и полно дыма, но на лестницу огонь еще не пробрался. За мной пошел Фрэнк. Говорил, что я ничего не смогу сделать. Мы стояли на лестнице и кричали, пытаюсь разбудить мистера Лекстера, но не слышали ответа. По лестнице поднимались клубы черного дыма. Я оглянулась и увидела, что пламя пробивается к лестничной площадке и что надо выбираться. Мы вышли через северное крыло. Я задыхалась от дыма. Глаза у меня еще два или три дня были красные.

– Где был Сэм Лекстер?

– Я увидела его раньше, чем Фрэнка. Он бегал в пижаме и купальном халате с криком: «Пожар! Пожар!» Совсем, кажется, голову потерял.

– А пожарная команда?

– Она появилась, когда сгорело почти все. Дом ведь стоял в стороне.

– Дом был большой?

– Слишком большой! – живо отозвалась она. – У прислуги было много работы.

– Какую держали прислугу?

– Миссис Пиксли, девушку по имени Нора – кажется, Эддингтон – и Джима Брэндона – шофера. Нора была вроде прислуги для всего. Она в доме не жила, приходила к семи утра и оставалась до пяти. Миссис Пиксли готовила.

– А Чарльз Эштон, привратник, там бывал?

– Только иногда. Он же охранял городской дом. Он приезжал, когда мистер Лекстер его просил. В ночь пожара он был в городе.

– Где спал Питер Лекстер?

– На втором этаже, в южном крыле.

– В какое время начался пожар?

– Около половины второго. Я проснулась, очевидно, без четверти два. Дом уже некоторое время горел.

– А почему вас наняли? Что было с мистером Лекстером?

– Он попал в автомобильную аварию, и нервы у него были не в порядке. Временами он не мог спать, а снотворное не любил. Я – массажистка, вот и помогала ему во время нервных приступов. Горячая ванна с душем, потом массаж – и он мог уснуть. И с сердцем у него было неважно. Время от времени приходилось давать ему сердечные лекарства.

– Где была Уинифред?

– Она спала. Мы с трудом ее разбудили. Мне даже показалось, что она угорела. Дверь у нее была заперта. Чуть не сломали дверь, пока ее добудились.

– Где она находилась? В северном или в южном крыле?

– В центре дома, к востоку.

– А внуки? Где они спали?

– В центре дома, к западу.

– А слуги?

– Все в северном крыле.

– Если вы были медсестрой при мистере Лекстере и у него бывало неладно с сердцем, почему вы не спали там, где могли бы оказаться под рукой, если бы понадобилась ваша помощь?

– Но я и была под рукой. У него был электрический звонок, ему стоило всего лишь нажать на кнопку – и я тут же нажимала на свою, давая знать, что иду.

– И в его комнате звонил звонок?

– Да.

– Почему же вы не позвонили ему в ночь пожара?

– Звонила. Это было первое, что я сделала. Побежала назад к себе и несколько раз позвонила. Но ответного сигнала не было, и я начала подниматься по лестнице. Наверное, проводка сгорела.

– Понятно. Дыма было много?

– Да, центральная часть дома была буквально полна дыма.

– Накануне пожара что-то случилось?

– Вы о чем?

– Какой-то скандал, ссора?

– Нет... Не совсем. Что-то произошло у Питера Лекстера с Сэмом. Думаю, что Фрэнк ни при чем.

– А Уинифред?

– Вроде бы тоже. Неладили старик с Сэмом Лекстером. Кажется, из-за игры Сэма в карты.

– Как вы думаете, из-за чего начался пожар? – спросил Мейсон.

– То есть – не поджог ли?

– Вы достаточно долго виляете, мисс де Во, – медленно произнес Мейсон. – Скажите, что вам известно об этом пожаре?

Она вздохнула. Глаза ее забегали.

– Может ли пожар начаться из-за того, что в топку парового отопления вывели газы из выхлопной трубы? – спросила она.

– Нет, – мотнул головой Дрейк. – Какого черта...

– Подождите, Пол, – вмешался Мейсон. – Давайте послушаем, что она хочет сказать.

– Неважно, раз пожар от этого не может случиться, – уклончиво ответила она.

Адвокат бросил предостерегающий взгляд на детектива и сказал серьезно:

– Возможно, что пожар мог начаться и от этого.

– Но разве могло загореться несколько часов спустя после того, как газы попали в топку?

– Так как же они попали в топку? – спросил Мейсон.

– Ну, было так. Гараж встроен в дом. Там находились три машины. Дом стоял на холме, гараж помещался в юго-западном углу, на склоне. Наверное, когда строили дом, в том месте получилась лишняя комната, и архитектор решил встроить туда гараж, чтобы не ставить отдельное здание.

– Да, – кивнул Мейсон, – я вас понимаю. Расскажите о выхлопных газах.

– Ну, – сказала она, – я гуляла и уже возвращалась в дом, когда услышала в гараже шум. Дверь гаража была закрыта, но там работал мотор. Я подумала, что кто-нибудь ушел и забыл выключить мотор, поэтому вошла – сбоку есть маленькая дверь – и зажгла свет.

– И что же вы увидели? – склонился к ней Перри Мейсон.

– Сэма Лекстера, он сидел в своей машине.

– И мотор был включен?

– Да, он работал.

– Медленно, как на холостом ходу?

– Нет, быстро. Если бы он работал медленно, я бы и не услышала.

– А выхлопные газы как попадали в топку? – спросил Дрейк.

– Это странно. Я заметила, что какой-то шланг идет от машины к батарее. Там была газовая топка, от которой нагревались трубы, – в задней части гаража.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.